

«гонке» у него остались два «хвоста».

— Единственный ли это случай, когда по вине администрации срысывается учебный план заочника?

— К сожалению, довольно типичный. Особенно неблагоприятно с этим в учреждениях культуры, в театрах. И нередко это кончается тем, что студент бросает институт, значит, пустую потрачен на один год труда и его, и преподавателей, израсходованы пустую государственные средства, сорван план работы учебного заведения. И, что самое обидное, государство не досчитается еще одного специалиста с высшим образованием. А ведь известно, что в провинции, особенно в маленьких городах, их пока еще не хватает...

И вот беседа с директором Черемховского театра. Юрий Дмитриевич Девяшин оказался в Москве на совещании в Министерстве культуры РСФСР. Человек он симпатичный, вежливый, с мягким голосом и располагающей улыбкой и, по его собственному аттестации, отзывчивый.

Он уже знает о жалобе Кашицкого. Предвосхищая неприятный для него разговор, начинает действовать по принципу: нападение — лучший вид обороны.

Сначала предисловие: «Это между нами». Потом лирическое отступление: «Мы с ним, знаете, были почти на дружеской ноге. Остальные его не любили... А в заключение: «Артист-то он неважный, и режиссера из него не получится. И жена с ним, бедная, мучается»...

— Что, пьёт? Ведет себя плохо?

— Нет, что вы. Он выдержанный, даже интеллигентный. Но большой рвач, на стороне прибавлял. Читал лекции от местного общества «Знание»...

— Это что, мешало его работе в театре, опаздывал на репетиции, имел взыскания, замечания?

— Нет, с дисциплиной все в порядке. Но не «горел» он театром...

Заказываю разговор с Черемховским театром.

— Как реагировали вы на то, что двое вынуждены были уйти с работы, что целая семья снялась с места только из-за того, что директор не выполнил государственного закона, отказавшись отпустить заочника на сессию?

Несколько замешкавшись, председатель месткома театра В. К. Калужский ответил:

— Этот вопрос мы теперь обсуждаем (!!) и результаты пришлем в редакцию.

Говорят, лучше поздно, чем никогда. Но боюсь, что в данном случае это будет слабым утешением для семьи Кашицких, но, быть может, хотя бы воодушевит других заочников Черемховского театра, если таковые там появятся...

ВОТ ТАК укрощали заочника в Черемховске. Рассказала я об этом случае старому, опытному театральному работнику, режиссеру, инспектору формирования театральных трупп (той самой «биржи») Министерства культуры РСФСР Александру Порфирьевичу Глекову.

Он возмутился. Но не тем, что директор театра вынудил семью бросить работу и сорваться с места.

— Да, да, — взволнованно заговорил он. — Заочник для театра — настоящая трагедия. Вы спросите: почему на «бирже» никто не признается в своей заочной учебе? Да потому, что их не возьмут в театр. И это не удиви-

тельно. Как планировать спектакли, если человека надо дважды в год отпускать на сессию? Я считаю, что заочное образование для актера, режиссера — нелепость! Ведь не готовят же заочно хирургов...

Нелепость — не заочное обучение творческих кадров, как кажется тов. Глекову, а с ним заодно и некоторым администраторам, а противопоставление интересов государства, стремящегося к повышению образования и квалификации каждого работника, интересам узковедомственным. И размышлять надо не над тем, как готовить или не готовить хирургов, а над тем, как же наилучшим образом суметь сочетать интересы театра и заочника, чтобы польза была всем равная.

А заочное образование, хотя этого или не хотят некоторые противники просвещения, было, есть и будет. Будет и забота государства о тех, кто избирает нелегкий путь к повышению знаний. И укрощать надо не заочников, а ретивых администраторов.

Анна ГРЕК.

ОТ РЕДАКЦИИ: Когда верстался номер, почтальон принес голубенький конверт. А в нем — копия ответа Иркутского областного управления культуры Э. Кашицкому на его жалобу. Мы приготовились было услышать, наконец, принципиальное и объективное мнение товарищей, ведающих в Иркутской области учреждениями культуры и судьбами людей, в них работающих. Но оказалось, что арбитрами конфликта между студентом-заочником и руководителями Черемховского театра управление избрало... руководителей театра: Ю. Девяшина, председателя месткома В. Калужского, главного режиссера А. Щербину. Не удивительно, что позиция та же — нападение (лучший вид защиты!). И уж без всяких «лирических отступлений». А потом — патетическая декламация из плохой мелодрамы.

...«Вы — студент-заочник... не могли не сознавать, что творчество на театре — явление коллективное. (Кстати, так же, как и забота о товарище). Выдвигая перед театром обоснованные (обратите внимание — обоснованные!) юридические требования, поступились... этическими обязанностями советского актера (будто у нас существует противоречие между законом и совестью человека) — требовали любыми средствами и компромиссами заменить себя в ответственной роли»...

Когда ссылки на свидетельства руководства театра иссякли, произошла осечка. Вернее, последовал неожиданный эпилог, в котором заместитель начальника управления (фамилия которого разобран не удалось) снял все отбеливающие средства, должные защитить «честь мундира» и по существу признал жалобу Э. Кашицкого справедливой:

«Управление культуры облисполкома, разобрав вашу жалобу, сделало предупреждение дирекции театра (директору тов. Девяшину Ю. Д., гл. режиссеру тов. Щербине А. А. и председателю МК тов. Калужскому В. К.) о том, что инцидент, происшедший с вами, обязывает повысить ответственность руководителей театра и своевременно планировать являды на роли тех актеров, которые по ранее утвержденному графику заочников, выезжающих на экзаменационные сессии, смогли бы быть уверены в обеспечении театром отпуска для своевременного выезда к началу сессии в вузы».

Вот с этого и надо было начинать. С того, как сочетать интересы заочника и театра. И с наказания тех, кто не хочет этим заниматься.